

УДК-329

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-3-20-34

ЭТНИЧЕСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРТИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: СПЕЦИФИКА И ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ

Петр Панов

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Аннотация

В последние десятилетия в условиях трансформации национальных государств и развития многоуровневой политики в Европе наблюдается рост этнических / региональных политических партий. В странах ЦВЕ этнорегионализм имеет специфические основания, связанные с имперским прошлым этих государств, но несмотря на общие черты, каждая из стран ЦВЕ обладает спецификой с точки зрения силы партий, характера их требований и траектории развития. Анализ наиболее значимых этнических / региональных партий в странах ЦВЕ позволяет сделать вывод, что ключевым фактором, влияющим на их силу, является этническая структура населения, особенно если она сочетается с интенсивной этнической идентичностью и наличием у этнического меньшинства исторического опыта автономии / собственной государственности. При благоприятной комбинации этих факторов электоральная сила этнических партий оказывается устойчивой величиной, что делает их значимым игроком на политическом поле. Относительно характера требований этнических партий подтвердилось предположение, что существенное влияние оказывает локализация соответствующего этнического меньшинства. Если оно сконцентрировано в одной АТЕ, это стимулирует регионалистские устремления, а если в нескольких компактно расположенных АТЕ – макро-регионалистские требования создания нового этнически окрашенного региона. В условиях дисперсного проживания меньшинства этническая партия не выдвигает регионалистских требований.

Ключевые слова: регионализм; этничность; политические партии; идентичность; выборы.

Значимость этнических / региональных политических партий (Э/РП) в странах Европы последние десятилетия неуклонно возрастает. По словам Е. Хепбурн, они «стали перманентной чертой европейского политического ландшафта. Когда-то считавшиеся ‘восстаниями против современности’ и ‘возвратом к прошлому’, теперь эти партии превратились в авторитетных и влиятельных политических игроков в большинстве западноевропейских демократий» (Hepburn, 2009: 477). Есть все основания полагать, что рост этих партий связан с трансформацией национальных государств (nation states) как типа политий, в частности, с развитием многоуровневой политики (multilevel governance) (Hooghe & Marks, 2003). По понятным причинам это особенно важно для стран Европейского союза, где одновременно получили развитие тенденции как регионализации, так и усиления наднационального уровня политики. Если на первых порах Э/РП были скорее «нишевыми» – «партиями одного вопроса» (single-issue or niche parties), то теперь они все чаще формулируют свои взгляды по широкому спектру публичных проблем. Это позволяет им перейти из «политической периферии» в «ядро» политического поля и активно участвовать в коалиционных взаимодействиях, в том числе в правительственных коалициях.

Очевидно, вступление стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) – Венгрия, Польша, Болгария, Румыния, Чехия и Словакия – в Европейский союз способствовало развитию Э/РП, однако этнорегионализм в этих странах имеет и свои специфические основания. В отличие от большинства западноевропейских стран, все страны ЦВЕ – «обломки континентальных империй»: Османской, Австро-Венгерской, Российской (Подвинцев, 2019). Различные части этих стран представляют собой бывшие имперские провинции, причем многие из них в имперский период обладали определенной самостоятельностью. В результате, хотя постимперские государства в ЦВЕ и создавались по принципу «национальных государств», где некая этническая группа является «государствообразующей» (Staatsvolk) (O’Leary, 2001: 285), почти во всех странах есть значительные и территориально сконцентрированные этнические меньшинства. Кроме того, после Первой и Второй мировых войн имели место массовые переселения этнических групп, а границы государств в ЦВЕ неоднократно перекраива-

лись. В процессе строительства новых государств (state-building и nation-building) центральные власти, как правило, старались провести внутренние политико-административные границы так, чтобы они не совпадали ни с историческими провинциями, ни с расселением этнических меньшинств. Однако такой выбор, способствуя политической гомогенизации, создает в то же время основу для недовольства (grievances) и этнополитической мобилизации (Gurr, 1993). И если в условиях авторитарных режимов, которые были характерны для стран ЦВЕ на протяжении большей части истории их существования (межвоенные авторитаризмы, а после Второй мировой войны – социалистические режимы), последняя тенденция сдерживалась или подавлялась, то в контексте демократизации начала 1990-х гг. она неизбежно породила всплеск этнических и регионалистских политических партий и движений.

Вместе с тем, несмотря на общие черты, каждая из стран ЦВЕ обладает спецификой с точки зрения политической силы Э/РП, характера их требований и траектории развития. В данной работе предпринята попытка объяснить эту вариативность. В первой части предлагается уточненная классификация Э/РП и выдвигаются некоторые предположения относительно того, какие факторы могут влиять на вариативность Э/РП в странах ЦВЕ. Затем кратко охарактеризованы основные черты динамики партийных систем стран ЦВЕ как контекста, в котором развивался этнорегионализм. В последней части представлены эмпирические описания наиболее значимых Э/РП, что позволяет проверить выдвинутые гипотезы.

Разновидности этнических / региональных партий

«Этнические / региональные партии», как и другие подобные наименования, например, «stateless nationalist and regionalist parties» (Hepburn, 2009) – это скорее условные «лейблы», чем строгие понятия, поскольку партии, которые они обозначают, в действительности представляют собой палитру весьма разнообразных по своему характеру политических образований². Общее для них лишь то, что они явным образом отличаются от *универсалистских* политических партий, получивших развитие в эпоху современности.

«Универсализм», однако, имеет как минимум две разные, хотя и пересекающиеся, коннотации. Во-первых, имеются в виду общенациональный масштаб активности партий (state-wide parties). Соответственно, неуниверсальность означает, что партия ведет свою деятельность лишь на части территории страны – non-state-wide parties. Такие партии весьма разнообразны и по уровню активности (локальный, региональный), и по своим целям. Во многих странах, например, обнаруживаются партии / организации / альянсы – объединения местных нотаблей, которые занимаются всего лишь репрезентацией локальных / региональных интересов в инструментальных электоральных целях.

Поэтому следует подчеркнуть, что в данной работе речь идет не обо всех non-state-wide parties, а только о *региональных партиях*, которые ведут свою деятельность, в том числе электоральную, в одном (иногда в нескольких) политико-административных регионах страны (Brancati, 2011)³. Далее, среди региональных партий отдельно выделяется особая категория регионалистских (De Winter & Türsan, 1998; Massetti & Schakel, 2016). *Регионалистские партии* не просто продвигают региональные интересы в повестку, а выдвигают требования, направленные на политическое конституирование региона, на обретение им политической субъектности (Панов, 2020). К таким требованиям относятся надделение региона особым статусом, «увеличение объема» статуса региона (прав и полномочий самоуправления, участия в принятии решений) либо / и повышение «качества реализации» статуса региона (Сулимов, 2017). К регионалистским следует отнести и требование создания нового политико-административного региона. В этом случае регионалистская партия ведет деятельность не в одном, а в нескольких политико-административных регионах. Соответственно, такие партии можно обозначить как *макро-регионалистские партии*.

Во-вторых, универсализм классических политических партий предполагает программные ориентации на предоставление публичных (для всего общества) благ, тогда как неуниверсалистские

² Многочисленные термины, которые используются в литературе, – ethno-nationalists, stateless nationalists, autonomists, regionalists, ethnoterritorial parties и т.д. (см. обзор: Hepburn, 2009: 481) – оказываются слишком узкими, чтобы охватить весь спектр вариантов. Поэтому при всей условности использование лейблов имеет смысл.

³ Под политико-административным *регионом* в данной работе понимается административно-территориальная единица (АТЕ) мезоуровня, то есть конституированная между национальным и локальным уровнями власти, причем в этой АТЕ должны быть органы власти, сформированные (как минимум, частично) «снизу» и обладающие определенными властными полномочиями (Abels & Battke, 2019: 5).

партии стремятся представлять партикуляристские интересы некой особой социальной группы – аграрии, пенсионеры и т.п. Среди прочих такой группой может быть этническая группа, что является основанием для выделения в отдельную категорию *этнических партий*, которые явно ориентированы в своей деятельности на определенную этническую группу (Chandra, 2011: 155).

Таким образом, региональные / регионалистские и этнические партии «вырастают» из разных типов партикуляризма. Соответственно, обнаруживаются региональные / регионалистские неэтнические партии, с одной стороны, и этнические нерегиональные партии – с другой. Действительно, этническая партия не может быть региональной, если «ее этническая группа» проживает дисперсно по всей территории страны. Однако зачастую этнические группы проживают компактно в определенном политико-административном регионе, и тогда этническая партия становится *этнорегиональной* в силу того, что ведет свою деятельность в одной АТЕ. Если же она выдвигает при этом не только этнические, но и регионалистские требования, есть все основания определить ее как *этнорегионалистскую* (Dandoy, 2010). При этом, подобно регионалистским неэтническим, этнорегионалистские партии тоже могут быть *макро-регионалистскими*, если они стремятся к созданию нового региона.

Попытка соотнести все эти разновидности этнических / региональных партий представлена на рис. 1.

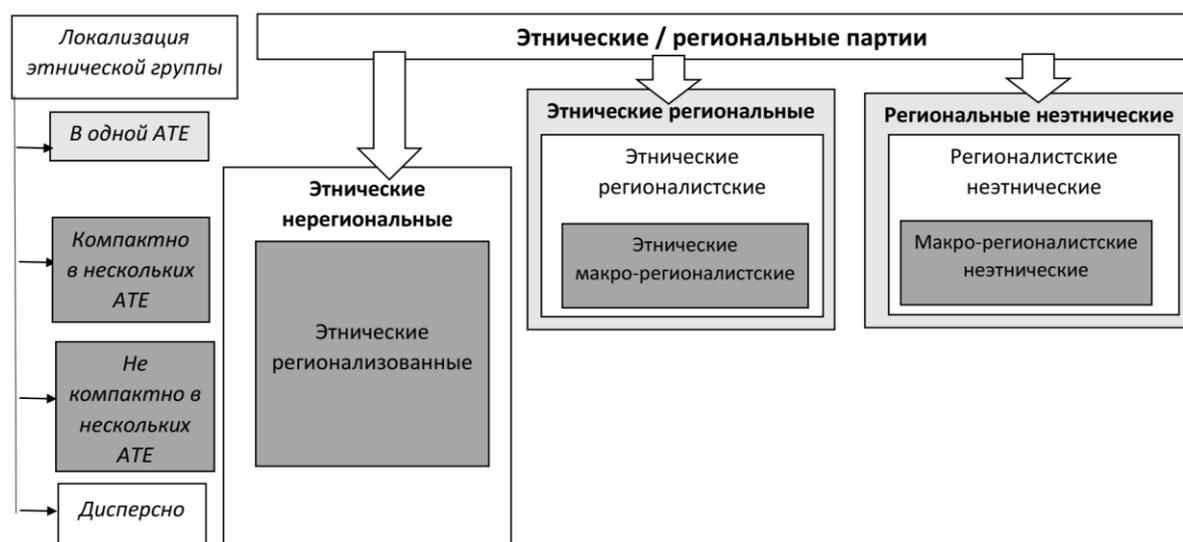

Рис. 1. Разновидности этнических / региональных партий

Вероятно, по причине «постимперскости» в странах ЦВЕ получили развитие преимущественно этнические партии (регионалистских неэтнических партий здесь почти нет), а поскольку партия этническая, логично предположить, что ключевым фактором, влияющим на ее «силу», является этническая структура населения, а именно доля «ее этнической группы» в населении страны / региона. Если измерять силу этнической партии электоральными успехами, то в «идеальном варианте» доля голосов, которые партия получает на выборах, примерно соответствует доле этнической группы в составе населения.

Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что уровень партийной идентификации избирателей со «своей» этнической партией зависит от того, насколько интенсивна этническая идентичность. Помимо прочего, на это может оказывать влияние такой фактор, как степень непохожести (*distinctiveness*) этнического меньшинства на основную массу населения, то есть отличия по языку, религии, расе и т.д. (Cartrite & Miodownik, 2016). Следует также учитывать исторические факторы. Как убедительно доказал Д. Коев, этнические группы, которые сформировались на данной территории («коренные жители»), а особенно группы с историческим опытом автономии, значительно сильнее подвержены этнополитической мобилизации и склонны поддерживать «свои» этнические партии (Коев, 2019).

Что касается *характера* требований Э/РП, важным фактором должна быть локализация этнической группы. Если ее представители проживают дисперсно, для этнической партии нет никакого резона выдвигать регионалистские требования. Напротив, в случае компактной локализации в одном или нескольких АТЕ возрастает вероятность того, что этническая партия будет регионалистской.

Таким образом, можно предположить, что на силу, траекторию развития и характер Э/РП в странах ЦВЕ оказывает воздействие комбинация этно-структурных (доля этнического меньшинства), этногеографических (локализации меньшинства), этнокультурных (интенсивность этнической идентичности, в том числе степень этнических различий), исторических (опыт политической автономии в прошлом) факторов. Разумеется, помимо всего этого, следует иметь в виду «агентские» факторы, связанные с деятельностью акторов – политическим мастерством (skills) партийных лидеров. В рамках данного исследования эти факторы рассматриваются как остаточная категория. Иначе говоря, они приобретают ключевое значение в тех случаях, когда развитие и характер Э/РП не удастся объяснить первой группой факторов.

Партийные системы в странах ЦВЕ: общее и особенное

Трансформация партийных систем в странах ЦВЕ после распада социалистической системы имела немало общего. Поначалу партийная конкуренция разворачивалась в стандартной для стран Европы логике борьбы между левыми / левоцентристами, роль которых играли так называемые «партии-преемницы» (трансформировавшиеся бывшие коммунистические партии) и правыми / правоцентристскими партиями (бывшей антикоммунистической оппозицией). Правда, поскольку во всех странах конституционный дизайн предполагает в том или ином виде ответственность правительства перед парламентом⁴, а парламентские выборы проходят по принципу пропорционального представительства⁵, партийные системы оказались довольно сильно фрагментированы (основные политико-институциональные характеристики стран ЦВЕ представлены в табл.1). Кроме того, в течение всего постсоветского периода наблюдается высокая волатильность поддержки политических партий. Тем не менее, именно вокруг двух основных партий (левой и правой) складывались партийные альянсы и коалиции, необходимые для формирования правительства.

Таблица 1

Основные политико-институциональные характеристики стран ЦВЕ

Страна	Население (чел., 2019)	Кол-во АТЕ	Числ. парламента ⁶ / ИС	Кол-во изб. округов / совпадение с АТД	Региональная легислатура: формирование	Численность рег. легислатуры / изб. система	Региональное правительство: формирование
Болгария	7 000 039	28 областей	240 LPR	31 / совпадают ⁷	Делегирование ⁸	NA	Губернатор назначается центральным правительством

⁴ Во всех странах ЦВЕ, кроме Венгрии, президент избирается всеобщим голосованием отдельно от парламента и обладает некоторыми полномочиями относительно формирования и отставки правительства. Это дает основания многим авторам рассматривать правительственные системы в таких странах, как Польша, Румыния (в ряде случаев и Болгария, Словакия), в качестве полупрезидентских (Sedelius & Mashtaler, 2013). Тем не менее, во всех странах предусмотрена ответственность правительства перед парламентом, то есть в той или иной мере правительство формируется по результатам парламентских выборов.

⁵ В Венгрии парламент избирается по смешанной системе: 106 депутатов избираются в одномандатных округах по плуральному принципу, а 93 – по пропорциональному принципу в едином общенациональном округе (до 2014 г. было иначе: 176 – в одномандатных округах по принципу абсолютного большинства и 210 – в многомандатных округах, границы которых совпадали с регионами). Смешанную систему на некоторых выборах использовали также Болгария (2009 г.) и Румыния (2008 и 2012 гг.).

⁶ Нижней палаты (в Чехии, Румынии и Польше двухпалатные парламенты).

⁷ За исключением Софии (3 округа) и Пловдива (2 округа).

⁸ Региональные советы состоят из представителей центрального правительства, губернаторов областей, представителей муниципалитетов.

Страна	Население (чел., 2019)	Кол-во АТЕ	Числ. парла- мента ⁹ / ИС	Кол-во изб. округов / совпаде- ние с АТД	Региональ- ная легислатура: формирова- ние	Числен- ность рег. легисла- туры / изб. система	Региональ- ное правитель- ство: фор- мирование
Чехия	10 649 800	14 краев	200 LPR	14 /совпада- ют	Выборы	45-65; LPR (единый округ)	По результа- там выборов легислатуры
Венгрия	9 772 756	20 округов	199 ММР	93 + 1 / не совпа- дают	Выборы	15-44; LPR (единый округ)	По результа- там выборов легислатуры
Польша	37 972 812	17 вое- водств	460 LPR	41 / не совпада- ют	Выборы	30-60; LPR (не- сколько округов)	По результа- там выборов легислатуры (и есть пред- ставитель центра – вое- вода)
Румыния	19 414 458	42 жудеца	329 LPR	42 / сов- падают ¹⁰	Выборы	31-55; LPR (единый округ)	По результа- там выборов легислатуры (и есть пред- ставитель центра – пре- фект)
Словакия	5 450 421	8 краев	150 LPR	1 / не совпада- ет	Выборы	40-57; BV (много- мандат- ные округа)	Губернатор избирается отдельно от региональной легислатуры и совместно с ней формиру- ет правитель- ство

Примечания: ИС – избирательная система: LPR (List Proportional Representation) – пропорциональный принцип распределения мест между партийными списками; ММР (Mixed Member Proportional System) – смешанная связанная система; BV (Block Vote) – мажоритарный принцип определения результатов выборов в многомандатных округах, когда количество у голосов избирателя равно величине округа.

Источники:

Eurostat. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (Access: 09.06.2020).

International Foundation for Electoral Systems. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifes.org/> (Access: 09.06.2020).

Официальные сайты избирательных комиссий стран ЦВЕ (см. примечание к табл. 2).

Так, в Болгарии на протяжении 1990-х гг. сменяли друг друга у власти Болгарская социалистическая партия (БСП) и Союз демократических сил (СДС); в Польше – Союз демократических левых сил (СДЛС) и различные партии – «наследники» Солидарности; в Чехии – Чешская социал-

⁹ Нижней палаты (в Чехии, Румынии и Польше двухпалатные парламенты).

¹⁰ В 42 округах избираются 308 депутатов, 4 мандата замещаются по итогам голосования за границы, 17 мест распределяется в общенациональном масштабе между списками этнических меньшинств.

демократическая партия (ЧСДП) и Гражданская демократическая партия (ГДП). В Венгрии с Венгерской социалистической партией (ВСП) конкурировали Венгерский демократический форум (ВДФ), а также Альянс свободных демократов (АПСД), а затем Фидес (Венгерский гражданский союз). Даже в Румынии, где происходит перманентная реконфигурация партий, правительство было сначала под контролем социал-демократов, затем с 1996 г. – правоцентристского альянса Румынская демократическая конвенция (РДК), а в 2000 г. социал-демократы (в несколько измененном виде) снова пришли к власти.

Существенная специфика в плане конфигурации партийной системы была лишь в Словакии, где после разделения Чехословакии у власти оказалась националистическая Народная партия — Движение за демократическую Словакию (НПДДС) Владимира Мечьяра. Чтобы противостоять Мечьяру, центристы и левоцентристы объединились в Словацкую демократическую коалицию (СДК). Именно между ними и Мечьяром проходила основная борьба, тогда как левая «партия – преемница» (Партия демократических левых – ПДЛ) в Словакии была слабой. Только после того, как СДК удалось в 1998 г. победить Мечьяра, партийная конкуренция стала постепенно приобретать логику лево-правого соперничества. СДК вскоре распался, и на правом фланге ключевую роль стал играть Словацкий демократический и христианский союз (СДХС). На левом же фланге после раскола ПДЛ возникла достаточно сильная партия «Курс - социальная демократия» (Smer). Эти две партии сменяли друг друга у власти на протяжении примерно 15 лет.

В 2000-е гг. ситуация на партийно-политическом поле заметно изменилась¹¹. В значительной мере это связано с разочарованием в партиях, определявших повестку в 1990-х–начале 2000-х гг., нарастанием правопопулистских и евроскептических настроений (Осколков, 2019). Так, уже в начале 2000-х гг. кардинальным образом изменился партийный ландшафт в Польше, где левые лишились влияния, и фокус сместился на соперничество между центристской Гражданской платформой (ГП) и правой партией «Право и справедливость» (ПиС). В Венгрии левые (ВСП) потеряли конкурентоспособность, в результате чего с 2010 г. в стране утвердилось доминирование правой Фидес. В Болгарии БСП пока сохраняет политический потенциал, но возникают новые сильные партии. В 2001 г. к власти пришло Национальное движение за стабильность и подъём (НДСП), созданное вернувшимся в страну последним царем Симеоном II. Четыре года спустя он, правда, проиграл выборы, и к власти вернулись социалисты. НДСП на какое-то время осталась в правящей коалиции, но вскоре исчезло с политической арены. Однако уже в 2009 г. выборы выиграла еще одна новая партия – правопопулистская ГЕРБ Бойко Борисова, и с тех пор именно она стала главным соперником левых, причем намного более успешным, дважды подряд выиграв у них выборы в 2014 и 2017 гг.

В Чехии процесс размывания лево-правого соперничества шел несколько медленнее, здесь в 2000-е гг. продолжалось чередование у власти ЧСДП и ГДП. Но уже на выборах 2010 г. обе главные партии потеряли большое количество голосов, а на арену вышли новые политические силы. Чтобы остаться у власти, ГДП была вынуждена вступить в коалицию с TOP-09 (Традиция, Ответственность, Процветание). А три года спустя, в 2013 г. успеха добилась популистская АНО 2011 (Акция недовольных граждан) Андрея Бабиша, с которой уже ЧСДП была вынуждена пойти на коалицию. Наконец, в 2017 г. Бабиш выиграл выборы и стал премьером, так что трансформация партийной системы в Чехии стала очевидной.

В Словакии, как отмечалось выше, лево-правая конфигурация сложилась позднее, и она сохранялась на протяжении 2000-х гг. При этом именно левая Smer была сильнее и чаще, чем СДХС, формировала правительство, что выглядело необычно на фоне остальных стран ЦВЕ, где левые как раз в это время теряли позиции. Однако в последние годы и в Словакии общая тенденция разочарования в левых и правых партиях берет свое, и на последних выборах в 2020 г. Smer потерпела поражение, а большинство получила популистская партия «Обычные люди».

Э/РП в странах ЦВЕ: траектории развития

Среди множества этнических / региональных партийных образований, которые существовали и существуют до сих пор в странах ЦВЕ, для определения факторов, влияющих на силу и характер Э/РП, интерес представляют примерно 10 партий, которые играют существенную или, как минимум, заметную роль в политической жизни страны / отдельных регионов. Основные данные по этим партиям в соотнесении с этнической структурой суммированы в табл. 2.

¹¹ За исключением Румынии, где партийные альянсы – коалиции по-прежнему постоянно переформируются, но относительное размежевание между левыми и правыми сохраняется.

Этническая структура и основные этнические / региональные партии в странах ЦВЕ

Страна	Доля «гос.-образ.» группы, %	Основные этн. мен-ва, %	Локализация	Совпад. с «истор. регионами»	Партии	Национальные выборы: голоса / места / тенденция	Региональные выборы: голоса / места / тенденция	Участие в правительствах
Венгрия	93,2	Цыгане 3,5	Нет локализованных меньшинств	NA	Ассоциация Шомоди (неэтническая регионалистская)	Эпизодически Безуспешно	19-26% (2-3 места) Стабильно	нет
Болгария	85,5	Турки 8,9	Некомпактно: в 16 регионах из 28 более 5%, в том числе в 5 – более 30%	Нет	Движение за права и свободы (этническая регионализованная)	7-15% (15-38 мест) Стабильно	Не проводятся	Нац.прав: 2001, 2005, 2013
Румыния	88,9	Венгры 6,5	Компактно: в 14 регионах из 42 более 5%, в том числе в 7 более 15%, из них в 2 – более 70%	Трансильвания	Демократический союз венгров Румынии (этническая макро-регионалистская)	5-7% (18-27 мест) Стабильно	В зависимости от доли венгров в населении региона Стабильно	Нац.прав: 1997, 2004, 2008, 2012 Рег.прав: правящая в Харгите, Ковачне (коал. в других)
					Венгерская гражданская партия (этническая макро-регионалистская)	С 2008: В блоке с ДСВР	С 2008: Харгита, Ковачна 5-30% (2-10 мест) Негативная тенд	Рег.прав: Харгита, Ковачна (коал. с ДСВР)
					Венгерская народная партия Трансильвании (этническая макро-регионалистская)	С 2012: Эпизодически Безуспешно	Харгита, Ковачна 8-10% (3-4 места) Стабильно	нет

Страна	Доля «гос.-образ.» группы, %	Основные этн. мен-ва, %	Локализация	Совпад. с «истор. регионами»	Партии	Национальные выборы: голоса / места / тенденция	Региональные выборы: голоса / места / тенденция	Участие в правительствах
Словакия	86,8	Венгры 9,1	Компактно (вдоль границы с Венгрией): в 5 регионах из 8 более 5%, в том числе в 2 – более 20%	нет	Партия венгерского сообщества (этническая макро-регионалистская)	До 2010: 9-12% (15-20 мест) С 2010: 4-4,5% (0 мест)	Трнва (11-15 мест) Нитра (11-31 мест) Негативная тенд	Нац.прав: 1998, 2002 Рег.прав: Трнавe и Нитре (коал.)
					Мост (этническая регионализованная)	С 2010: 6-8% (11-14 мест) Стабильно	В коалиции с другими партиями Стабильно	Нац.прав: 2010, 2016 Рег.прав: Трнавe и Нитре (коал.)
Чехия	86,1	Мораване 6,7	Компактно: в 4 регионах из 14 более 5%, в том числе в 3 – более 10%	Моравия	Мораване (этническая макро-регионалистская)	С 2005: Эпизодически Безуспешно	В среднем 1% (в разных АТЕ) (0 мест)	нет
Польша	93,7	Силезцы 2,1	Компактно в 2 регионах из 17 (15 и 10)	Силезия	Движение за автономию Силезии (этническая макро-регионалистская)	Эпизодически Безуспешно	Силезское вое-во: 3-8% (0-4 места) Негативная тенд	нет
		Немцы 0,3	Компактно в 1 регионе из 17 (7,7)	нет	Немецкое меньшинство (этническая регионалистская)	0,2-0,5% (1 место) Стабильно	Опольское вое-во: 14-19% (5-7 мест) Стабильно	Рег.прав: в коалиции с ГП (2014, 2019)

Данные по этнической структуре составлены на основании официальных результатов переписей 2011 г. (доли этнических групп в населении рассчитаны от числа указавших этническую принадлежность):

Венгрия [Электронный ресурс]. http://www.ksh.hu/nepszamlalas/tables_regional_00?lang=en (Access: 09.06.2020).

Чехия [Электронный ресурс]. <https://www.czso.cz/csu/czso/population-censuses> (Access: 09.06.2020).

Болгария [Электронный ресурс]. <https://www.nsi.bg/census2011/indexen.php> (Access: 09.06.2020).

Словакия [Электронный ресурс]. <https://slovak.statistics.sk/wps/portal/ext/themes/demography/census/indicators/> (Access: 09.06.2020).

Румыния [Электронный ресурс]. <http://www.recensamantromania.ro/> (Access: 09.06.2020).

Польша [Электронный ресурс]. <https://stat.gov.pl/spisy-powszechne/nsp-2011/nsp-2011-wyniki/> (Access: 09.06.2020).

Электоральные результаты рассчитаны на основе официальных данных, представленных на сайтах избирательных комиссий:

Венгрия [Электронный ресурс]. <https://www.valasztas.hu/web/national-election-office> (Access: 09.06.2020).

Чехия [Электронный ресурс]. https://www.volby.cz/index_en.htm (Access: 09.06.2020).

Болгария [Электронный ресурс]. <https://www.cik.bg/> (Access: 09.06.2020).

Словакия [Электронный ресурс]. <https://volby.statistics.sk/> (Access: 09.06.2020).

Румыния [Электронный ресурс]. <http://alegeri.roaep.ro/> (Access: 09.06.2020).

Польша [Электронный ресурс]. <https://pkw.gov.pl/wybory-i-referenda/wybory-prezydenta-rzeczypospolitej-polskiej/wybory-prezydenta-rp-w-2020ampnbspr> (Access: 09.06.2020).

Венгрия является единственной страной в ЦВЕ, где отсутствуют сколько-нибудь заметные на политической арене этнические партии. В значительной мере это связано с тем, что в отличие от остальных, Венгрия была не имперской периферией, а одним из двух составляющих ядра Австро-Венгрии. Поэтому в ходе распада империи Габсбургов не она выделялась в самостоятельное государство, а от нее отделялись периферийные провинции. Кроме того, потерпев поражение в Первой мировой войне, Венгрия была «наказана» и по Трианонскому договору лишена значительной части территории. В результате венгры являются крупным меньшинством в Румынии, Сербии, Словакии и др. странах, тогда как в самой Венгрии значимых этнических меньшинств нет, наибольшее по численности меньшинство – цыгане, которые в силу своей специфики не локализованы географически и не обладают интенсивной региональной идентичностью.

Специфика Венгрии еще и в том, что, в отличие от других стран, ЦВЕ здесь получил развитие, правда весьма ограниченное, неэтнический регионализм (Dandoy & Schakel, 2013: 122–125). В одном из 20 округов Венгрии – Шомодь, расположенном к югу от озера Балатон, с 1994 г. действует Ассоциация Шомоди (Somogyert). Подобного рода организации возникли в начале 1990-х гг. и в некоторых других регионах Венгрии, но достаточную устойчивость и политическую заметность сохранила только Ассоциация Шомоди. Несколько раз, правда без особого успеха, она принимала участие в национальных выборах, а на выборах региональной легислатуры Ассоциация Шомоди регулярно получает 2-3 из 15 мандатов. Ключевое требование программы – создание автономного региона оз. Балатон с особым статусом – имеет вполне регионалистскую коннотацию.

В **Болгарии**, напротив, отсутствуют регионалистские партии, но зато получили развитие этнические. Несмотря на то, что они запрещены законодательно, Движение за права и свободы (ДПС), очевидно, является партией турецкого меньшинства. В частности, об этом свидетельствует высокая корреляция между долей турков в населении регионов и электоральными результатами ДПС (например, на парламентских выборах 2014 г. она составила 0,98). При этом ДПС уже давно стала значимой политической силой в болгарской политике, она регулярно участвует в парламентских выборах и получает места в парламенте, причем доля голосов, поданных за ДПС, обычно даже несколько выше, чем доля турков в населении страны. Партия неоднократно участвовала в правящих коалициях. Это автоматически давало ей контроль над несколькими губернаторскими позициями, поскольку Болгария – единственная из стран ЦВЕ, где региональные легислатуры не избираются, а губернаторы назначаются центральным правительством, и в случае коалиционных правительств партнеры делят не только министерские портфели, но и губернаторские должности.

Вместе с тем, в отличие от других крупных этнических меньшинств стран ЦВЕ, локализация турков по территории страны весьма своеобразна. С одной стороны, они демонстрируют довольно высокую концентрацию: в 5 регионах их доля превышает 30%, в том числе в Карджали – 66% и Разграде – 50%. Однако «турецкие регионы» расположены некомпактно: одна часть их находится на северо-востоке страны (Разград, Шумен, Силистра), а тот же Карджали – совсем в другой части, на юге. Фактически это означает, что ДПС не может быть регионалистской партией. Стремиться к созданию нового региона с преобладанием турок невозможно в силу некомпактности их проживания, а требовать особых статусов для некоторых регионов не имеет смысла, поскольку регионов со значительным турецким меньшинством слишком много. В то же время ДСП нельзя отнести ни к региональным партиям, поскольку она действует в большом количестве регионов, ни к обычным state-wide parties, так как ее электоральная поддержка зависит от доли турок и варьируется в очень большой степени (например, на выборах 2014 г. – от 70% в Карджали и до 0,6% – в Софии). Для таких партий, как ДСП, представляется уместным ввести промежуточную категорию – «регионализованные этнические партии».

С точки зрения доли основного этнического меньшинства в составе населения, на Болгарию похожи Румыния и Словакия, где венгры составляют около 7% и более 9% соответственно. Принципиальное отличие, однако, заключается в том, что проживают они компактно, и это принципиально меняет характеристики Э/РП.

В **Румынии** венгерское меньшинство сконцентрировано в исторической области Трансильвания, которая была присоединена к Румынии по Трианонскому договору. В настоящее время на территории Трансильвании полностью или частично располагаются 16 жудецов, среди них Харгита, где венгры составляют более 80% населения, Ковасна (более 70%), Муреш (около 40%). Еще в 1989 г.

был основан Демократический Союз Венгров в Румынии (ДСВР)¹, ключевое требование которого – создание нового автономного региона на территории, где преобладает венгерское меньшинство. Речь, в первую очередь, идет о территории Секлерленда, который как раз и включает Харгиту, Ковасну и Муреш. Важным аргументом в пользу создания новой АТЕ является и тот факт, что в период Социалистической Румынии на протяжении 1960–1968 гг. примерно в границах Секлерленда существовал Автономный венгерский регион, но затем его ликвидировали в ходе административной реформы, которая и ввела современное деление на жудецы (Dandoy & Schakel, 2013: 156). Таким образом, ДСВР является не просто этнической, а этнорегионалистской, точнее, этнической макрорегионалистской партией.

Несмотря на то, что все основные румынские партии однозначно отвергают идею создания венгерской автономии, ДСВР достаточно активно взаимодействует с ними. В условиях фрагментации и очень высокой волатильности партийной системы Румынии ДСВР, имея примерно 20 мест в парламенте, обладает значительным коалиционным потенциалом и неоднократно входил в правительственные коалиции. Это, правда, не повлияло на перспективы создания автономии, но существенно способствовало принятию решений, направленных на соблюдение прав венгерского меньшинства в сфере культуры и образования. Что касается регионального уровня, партия многие годы находится у власти в Харгите и Ковасне, а время от времени и в других регионах, где имеется крупное венгерское меньшинство.

В 2000-е гг. в качестве альтернативы ДСВР возникли еще две венгерские партии: Венгерская гражданская партия (ВГП) и Венгерская народная партия Трансильвании (ВНПТ). Различия, правда, касаются скорее социальной и экономической повестки, тогда как с точки зрения регионалистских требований они солидарны с ДСВР. Примечательно, что несмотря на фрагментацию, поддержка ДСВР осталась примерно на том же уровне, а новые партии, по большому счету, не смогли найти своего избирателя. На национальных выборах ВГП блокируется с ДСВР, а ВНПТ выступает самостоятельно, но не может преодолеть электоральный порог. В регионах новые партии проходят в легислатуру только в Харгиде и Ковачне, но в условиях доминирования ДСВР не являются значимой политической силой.

В **Словакии** венгры локализованы преимущественно вдоль южной границы страны. В 1990-е гг. здесь возникло несколько венгерских политических организаций, которые в 1998 г. объединились в Партию венгерского сообщества (ПВС). ПВС участвовала в анти-мечьяровской широкой коалиции и вошла в 1998 г. в коалиционное правительство. Именно в этот период в стране готовилась реформа АТД, и ПВС активно выступала за такой вариант, при котором в каком-либо регионе венгры составляли бы значительную часть населения. Это пожелание не было учтено, ведущие партии договорились разделить страну на 8 краев, которые никак не соотносились ни с этническими границами, ни с историческими регионами (Dandoy & Schakel, 2013: 244). В результате венгерское меньшинство оказалось рассредоточено в нескольких АТЕ, в Трнавском крае оно составляет немногим более 20%, а в Нитранском – около 25%. В знак протеста против такой реформы ПВС покинула правительство, правда после выборов 2002 г. снова вступила в коалицию с СДХС. Как и в Румынии, участие этнической партии в правящих коалициях способствовало политике по соблюдению прав венгерского меньшинства в сфере культуры, но ПВС не только отстаивала права венгров, но продолжала выступать за создание «венгерского региона», что позволяет отнести эту партию к этническим макрорегионалистским. Правда, в отличие от Румынии, локализация венгерского меньшинства в Словакии никак не связана с «историческим регионом», что существенно снижает силу аргументов ПВС.

В 2006 г. правящая коалиция проиграла выборы и в новое коалиционное правительство вместе со Smer вошла националистическая мечьяровская НПДДС. Это привело к радикализации ПВС, следствием чего стал раскол партии (Nedelcu, 2016: 393). В 2009 г. из нее выделилась партия «Мост» (Híd), которая, продолжая защищать интересы венгров, заняла значительно более умеренную позицию, акцентируя внимание не на реформе АТД, а на налаживании диалога между венграми и словаками. Это, правда, не делает ее «менее этнической», за Мост по-прежнему голосуют преимущественно венгры, однако поскольку Мост активно действует не в одном, а нескольких регионах, не выдвигая при этом регионалистских требований, эту партию следует квалифицировать, подобно болгарской ДПС, как этническую регионализованную.

¹ Часть мест в румынском парламенте (в настоящее время 17) зарезервирована для этнических меньшинств. По этой причине существует достаточно много этнических партий / псевдопартий, но существенную роль в румынской политике играют только венгерские партии.

В отличие от Румынии, фрагментация этнических партий в Словакии имела негативные последствия для «первой партии», то есть для ПВС. События развивались в соответствии с логикой концепции «перехвата голосов» (ethnic outbidding), которую развивал в своих работах Д. Горовиц: поскольку электорат этнических партий ограничен «своей этнической группой», создание новой этнической партии ведет к конкуренции между ними, и для достижения успеха «новая партия» будет занимать радикальные позиции (Hogowitz, 1985: 344). Вторая часть этой концепции в случае с Мостом, очевидно, не нашла подтверждения, так как партия, наоборот, заняла более умеренную позицию, чем ПВС (Zuber & Szocsik, 2015). Однако первая часть подтвердилась: создание Моста не привело к существенному увеличению поддержки на выборах венгерских партий, а скорее расплыло голоса их избирателей. В сумме ПВС и Мост получают все те же 10-12%, но Мост оказался электорально успешнее, и ПВС теперь не может преодолеть 5%-ный электоральный барьер, так что с 2010 г. она не представлена в национальном парламенте. В результате количество мандатов у венгерских партий снизилось. Мост, тем не менее, как и ПВС, оказался востребован как партнер по коалициям и дважды участвовал в правительстве страны.

Что касается регионального уровня, следует заметить, что власть в регионах Словакии организована своеобразно. Губернаторы выбираются напрямую, отдельно от депутатов региональных легислатур, но правительство формируется при участии последних. Учитывая высокую степень фрагментации партийной системы, региональные администрации, как правило, коалиционные. Этому способствует и порядок выборов в региональные легислатуры: блоковая избирательная система стимулирует партии создавать коалиции, а также способствует большому количеству непартийных депутатов. (Rubar, 2019). В целом это ведет к тому, что в Трнавском и Нитранском краях, где обе венгерские партии достаточно влиятельны, они обычно так или иначе участвуют в региональных правительствах.

Сходное с Румынией и Словакией соотношение «государствообразующей» этнической группы и основного этнического меньшинства имеет **Чехия**: мораване составляют около 7% населения страны и локализованы компактно в нескольких краях: Моравско-Силезский, Оломоуцкий, Злинский, Южноморавский и часть края Высочина. Вместе они составляют историческую область Моравия, которая имеет собственную историю, уходящую корнями в Велико-Моравское государственное образование (IX в.). Моравский диалект сохранял некоторую автономию и в составе империи Габсбургов, а после ее распада вошел в состав Чехословакии как единая провинция (наряду с Богемией, Словакией и Рутенией). Таким образом, несмотря на то, что в социалистический период Моравия была ликвидирована как АТЕ, для моравского регионализма есть достаточно веские исторические основания. Неудивительно, что в начале 1990-х гг. в условиях демократизации здесь возникло Движение за самоуправляемую демократию – Общество Моравии и Силезии (ДСД), поначалу добившееся заметных электоральных успехов (более 10% голосов и 22 места из 200 в Чешском национальном совете). На фоне разделения государства на Чехию и Словакию обсуждались требования не только создания автономного региона, но и отделения Моравии в самостоятельное государство.

В то же время, в этнолингвистическом отношении мораване мало отличаются от чехов, моравский язык классифицируется как диалект чешского, что размывает моравскую идентичность и делает ее намного менее устойчивой по сравнению с теми же венграми в Румынии и Словакии. Если в начале 1990-х доля тех, кто идентифицировал себя как мораване, достигала 13% (перепись 1991 г.), спустя десять лет, она сократилась вдвое. Судя по всему, на это повлияли и неудачи регионалистского движения. После смерти признанного лидера Болеслава Барта достойной замены ему не нашлось, в ДСД нарастали внутренние противоречия, в результате партия проиграла выборы 1996 г., лишившись парламентского представительства, а это, в свою очередь, привело к множественной фрагментации регионалистского движения. Только в 2005 г. регионалисты смогли объединиться в партию «Мораване», однако время было упущено, и вернуть утраченное влияние партия так и не смогла. За все время существования ей ни разу не удалось получить представительство не только в национальном парламенте, но и в региональных легислатурах тех АТЕ, которые относятся к Моравии. Таким образом, подобно Румынии и Словакии, моравский регионализм возник как этническая макро-регионалистская партия и поначалу обладал примерно такими же ресурсами, как венгерские партии Румынии и Словакии, однако, в отличие от них, он не смог институционализироваться в значимую политическую силу, и уже к концу 1990-х гг. утратил влияние.

Польша, с точки зрения этнической структуры населения, напротив, больше похожа на Венгрию, в обеих странах доля «государствообразующей» этнической группы превышает 90%. Вместе с тем, в отличие от Венгрии, в Польше есть локализованные этнические меньшинства – силезцы и немцы, что создает

условия для этнического регионализма. Силезия как историческая область (полностью или частично она охватывает 5 воеводств, а также некоторые территории Чехии и Германии) действительно имеет особую историю. Здесь еще в средние века была активная немецкая колонизация, и во многом как реакция на нее в XIX в. проявилась силезская этническая идентичность. После Второй мировой войны большая часть силезских немцев была депортирована, и их место заняли поляки, которые стали большинством населения. Но силезцы отличают себя от поляков, опираясь на историческую специфику, а также на языковые особенности, несмотря на то, что силезский язык обычно рассматривается как диалект польского. На этих основаниях в условиях демократизации в 1990 г. возникла организация, требующая создания автономного региона Силезия – Движение за автономию Силезии (ДАС)¹, поэтому ДАС можно квалифицировать как этническую макрорегионалистскую партию. Силезцы, однако, составляют заметную часть населения лишь в двух силезских воеводствах (Силезском и Опольском: 15 и 10%), да и силезская идентичность не слишком интенсивна, так что после мимолетного относительного успеха на первых выборах в 1991 г. (два места в Сейме) ДАС больше не смогло ни разу провести своих депутатов в национальный парламент, даже когда объединялось в коалицию с другими партиями. Однако на выборах в региональную легислатуру Силезского воеводства партия имеет относительно стабильное представительство, набирая 7-8% голосов, хотя это заметно меньше, чем доля силезцев в населении воеводства (Dandoy & Schakel, 2013: 146–147)².

Что касается Опольского воеводства, здесь ДАС уступает электоральное поле немецкой этнической регионалистской партии. Именно в Ополье проживают 70% немцев Польши, и они составляют около 8% населения воеводства. Тем не менее, на выборах в региональную легислатуру их партия «Немецкое Меньшинство» (НМ) получает примерно в два раза больше голосов, так что можно предположить, что за нее голосует значительная часть силезцев. Отношения между НМ и ДАС, однако, довольно дружественные, вплоть до того, что они выдвигают единый список на национальных выборах. В значительной мере это объясняется тем, что НМ в своей деятельности ориентируется не только на этнических немцев, но и на расширение региональной автономии, правда идею создания нового региона Силезия НМ не акцентирует. В целом, НМ – стабильная этнорегионалистская партия, причем достаточно влиятельная на региональном уровне, где неоднократно была партнером Гражданской платформы при формировании правительства Опольского воеводства.

* * *

Таким образом, значимые неэтнические регионалистские партии в странах ЦВЕ обнаруживаются только в Венгрии, во всех остальных странах регионализм имеет этническую окраску. С другой стороны, у тех этнических партий, которые играют существенную роль в политике стран ЦВЕ, в той или иной степени прослеживается связь с регионами. Даже в тех случаях, когда эти партии не выдвигают регионалистские требования и не являются региональными (ДПС в Болгарии, Мост в Словакии), это как минимум регионализованные партии, поскольку их поддержка распределена крайне неравномерно по территории страны и явно зависит от доли этнического меньшинства в населении регионов.

Исследование в целом подтвердило предположение, что ключевым фактором, влияющим на силу этнических партий в странах ЦВЕ, является этническая структура населения. Доля голосов, которые получают этнические партии в Болгарии, Румынии и Словакии на выборах и национального парламента, и региональных легислатур, примерно равна доле соответствующей этнической группы в составе населения. В результате электоральная сила этих этнических партий оказывается достаточно устойчивой величиной. А в условиях характерной для ЦВЕ высокой фрагментированности и волатильности партийных систем наличие надежной электоральной поддержки и устойчивого представительства в легислатурах делает эти партии значимым игроком на политическом поле. В результате, несмотря на миноритарное положение, они играют важную стабилизирующую роль в политике Болгарии, Румынии и Словакии (Birnie, 2007).

Необходимо подчеркнуть, что во всех этих случаях важным дополнительным фактором стабильности электоральной силы партий оказывается достаточно интенсивная этническая идентичность, которая основывается на явной непохожести (*distinctiveness*) этнического меньшинства на основную массу

¹ Официально речь идет от тех частях, которые относятся к Польше, но обсуждается и идея объединения всех силезских земель.

² В 2018 г. ДАС и другие организации, выступающие за автономию Силезии, объединились в Региональную Партию Силезии. Однако первый опыт региональных выборов для новой партии оказался неудачным, она не смогла преодолеть электоральный порог.

населения (во всех трех случаях язык, а в Болгарии еще и религия), и на историческом бэкграунде (опыт автономии, а также собственной государственности, в том числе наличие kin-state в настоящее время). При отсутствии этих факторов значимость этнической структуры существенно снижается. Так, слабая этническая идентичность мораван в Чехии и силезцев в Польше привела к тому, что доля голосов, которые получают соответствующие этнические партии на выборах, значительно меньше, чем доля этих этнических меньшинств в населении страны / региона.

Относительно характера требований этнических партий подтвердилось предположение, что существенное влияние оказывает локализация соответствующего этнического меньшинства. Если оно сконцентрировано в одной АТЕ, это стимулирует регионалистские устремления, а если в нескольких компактно расположенных АТЕ – макрорегионалистские требования создания нового этнически окрашенного региона. Этнокультурные и исторические факторы также оказывают влияние на характер этнической партии.

Вместе с тем, примеры чешских и польских этнических партий свидетельствуют о том, что комбинация этноструктурных, этногеографических, этнокультурных и исторических факторов, создавая благоприятные для этнических партий условия, отнюдь не детерминируют их «силу». Низкие электоральные результаты мораван и силезцев, очевидно, объясняются не только размытой этнической идентичностью, но и «агентскими факторами»: слабым уровнем партийной организации и лидерства, внутренними конфликтами и т.д. И, наоборот, партия «Немецкое меньшинство» на региональных выборах демонстрирует более высокие электоральные результаты, чем можно ожидать с точки зрения доли немцев в составе населения. Это также связано с влиянием «агентского фактора», но уже в противоположную – позитивную сторону.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Библиографический список

- Осколков, П. В. (2019) *Правый популизм в Европейском союзе*. Москва: Институт Европы РАН. [Oskolkov, P.V. (2019) *Right Wing Populism in the European Union* [Pravij populizm v Evropejskom soyuze]. Moscow: Institute of Europe RAS. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2020) 'Многоликий регионализм', *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, сс. 102–115. [Panov, P. V. (2020) 'Many Faces of Regionalism' [Mnogolikij regionalizm], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 1, pp. 102–115. (In Russ.)].
- Подвинцев, О. Б. (2019) *Империя и споры о ней*. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т. [Podvintsev, O. B. (2019) *Empire and disputes about it* [Imperiya i spory o nej]. Perm: Perm University. (In Russ.)].
- Сулимов, К. А. (2017) 'Баланс versus дисбаланс вокруг этнических региональных автономий' в: *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Sulimov, K. (2017) 'Balance versus disbalance around ethnic regional autonomies' [Balans versus disbalans vokrug etnicheskikh regional'nyh avtonomij] in: *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state integrity, and the rights of ethnic minorities* [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskikh men'shinstv]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)].
- Abels, G., Battke, J. (eds.) (2019) *Regional governance in the EU: regions and the future of Europe*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Birnie, J. (2007) *Ethnicity and Electoral Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brancati, D. (2007) 'The origins and strengths of regional parties', *British Journal of Political Science*, pp. 135–159.
- Cartrite, B., Miodownik, D. (2016) 'Determinants of Regional Political Distinctiveness', *Nationalism and Ethnic Politics*, 2, pp. 119–148.
- Chandra, K. (2011) 'What is an ethnic party?', *Party Politics*, 2, pp. 151–169.
- Dandoy, R. (2010) 'Ethno-regionalist parties in Europe: a typology', *Perspectives on Federalism*, 2, pp. 194–220.

- Dandoy, R., Schakel, A. (eds.) (2013) *Regional and national elections in Western Europe. Territoriality of the vote in thirteen countries*. Houndmills: Palgrave Macmillan.
- De Winter, L., Türsan, H. (eds.) (1998) *Regionalist parties in Western Europe*. London: Routledge.
- Gurr, T. R. (1993) *Minorities at risk: A global view of ethno-political conflicts*. Washington: United States Institute of Peace Press.
- Hepburn, E. (2009) 'Introduction: Reconceptualizing Sub-State Mobilization', *Regional & Federal Studies*, 4–5, pp. 477–499.
- Hooghe, L., Marks, G. (2003) 'Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-Level Governance', *American Political Science Review*, 2, pp. 233–243.
- Horowitz, D. (1985) *Ethnic groups in conflict*. Berkeley: University of California Press.
- Koev, D. (2019) 'Why ethnic parties? A new theory of ethnic minority political strategy in Europe', *Nations and Nationalism*, 1, pp. 229–297.
- Nedelcu, H. (2016) 'Conceptualizing Party Representation of Ethnic Minorities in Central and Eastern Europe', *East European Politics and Societies and Cultures*, 2, pp. 381–403.
- Massetti, E., Schakel, A. (2016) 'Between autonomy and secession: decentralization and regionalist party ideological radicalism', *Party Politics*, 1, pp. 59–79.
- O'Leary, B. (2001) 'An Iron Law of Nationalism and Federation? A (Neo-Diceyan) Theory of the Necessity of a Federal Staatsvolk, and of Consociational Rescue', *Nations and nationalism*, 3, pp. 273–296.
- Rybar, M. (2019) 'The 2017 regional elections in Slovakia: Soaring independents and recovered opposition in a fragmented political space', *Regional & Federal Studies*, 3, pp. 441–458.
- Sedelius, T., Mashtaler, O. (2013) 'Two decades of semi-presidentialism: issues of intra-executive conflict in Central and Eastern Europe 1991–2011', *East European Politics*, 2, pp. 109–134.
- Zuber, C., Szocsik, E. (2015) 'Ethnic outbidding and nested competition: Explaining the extremism of ethnonational minority parties in Europe', *European Journal of Political Research*, 4, pp. 784–801.

Информация об авторе

Панов Петр Вячеславович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016).

Статья принята к печати: 30.06.2020

ETHNIC AND REGIONAL PARTIES IN THE CEE COUNTRIES: SPECIAL FEATURES AND TRAJECTORIES OF DEVELOPMENT

P. V. Panov

Perm Federal Research Center, Ural Branch Russian Academy of Sciences

Abstract

In recent decades, in the context of the transformation of national states and the development of multi-level government, there has been an increase in ethnic/regional political parties in Europe. Ethno-regionalism in the CEE countries has a specific basis related to their imperial past, but despite the similarities, each country has special features concerning the strength of parties, their demands and development. The analysis of the most significant ethnic/regional parties in the CEE countries shows that the main factor affecting their strength is the ethnic structure of the population, especially if it is combined with intense ethnic identity, and the ethnic minority has a historical experience of autonomy/statehood. A favorable combination of these factors results in the stability of the electoral strength of ethnic parties, which makes them an important player in the political arena. Concerning the demands of ethnic parties, it has been confirmed that the localization of the respective ethnic minority has a significant effect. If it is in one administrative unit, it stimulates regionalist aspirations; if it dwells in some compactly located administrative units, an ethnic party usually promotes cross-regionalist demands to create a new region. Under conditions of dispersed localization of a minority, an ethnic party does not put forward regionalist claims.

Keywords: regionalism; ethnicity; political parties; identity; elections.